DOI: 10.48647/ICCA.2026.18.55.004

И.Е. Денисов

От несуществующих надписей до «ошибки 404»: как изучать Китай в цифровую эпоху?[1]

Аннотация. В статье анализируется, как цифровая эпоха изменила задачи китаеведения по изучению политической системы современного Китая. Если ранний интернет-оптимизм связывал расширение доступа к китайским источникам с большей прозрачностью КНР, последующий опыт показал, что цифровой поворот создал новые формы неопределенности. Двухтомная монография Е.Н. Румянцева «Современная китайская политика» (2024) рассматривается как значительная попытка соединить широкий охват китайской политики с внимательным чтением текстов и использованием большого массива интернет-материалов. Накопленное знание об устройстве китайской политики и аналитическое чутье позволяют автору монографии связать отдельные сюжеты, события и политические формулы в целостное представление о логике функционирования китайской политической системы. Однако именно такая масштабная работа особенно остро ставит вопрос о доказательной силе источника. Статья предлагает осторожный подход к анализу партийных текстов КНР как властных актов и профессионального языка элиты, предостерегая от текстологического детерминизма, чрезмерных обобщений и попыток выводить долгосрочную политику Китая из отдельных идеологических формул. Заключительная часть посвящена исследовательской дистанции в условиях изобилия источников, требующих строгой проверки независимо от происхождения, политической ориентации и внешней убедительности. Отмечается, что использование искусственного интеллекта в китаеведении требует не только критики источников, но и внимания к рекомендательным алгоритмам, определяющим их видимость.

Ключевые слова: Китай, китайская политика, политический дискурс, цифровое китаеведение, источниковедческая критика, Е.Н.Румянцев, искусственный интеллект.

Автор: *Денисов Игорь Евгеньевич*, старший научный сотрудник МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0001-5447-1164. E-mail: iedenisov@yahoo.com

[1] Маргиналии к монографии к. филол. н. Е.Н. Румянцева «Современная китайская политика». Румянцев Е.Н. Современная китайская политика: в 2 т. М.: Синосфера, 2024.

И • Е • 杰尼索夫

从不存在的铭文到“404 错误”：如何在数字时代研究中国？

*摘要：*本文分析了数字时代如何改变了汉学研究当代中国政治体制的任务。早期的互联网乐观情绪将中国信息来源的扩大与中华人民共和国更高的透明度联系起来，但随后的经验表明，数字化转型带来了新的不确定性。E • N • 鲁缅采夫的两卷本专著《当代中国政治》（2024）结合了对中国政治的广泛包含、对文本的仔细解读以及对大量网络资源的运用，这被视为一次重要的尝试。鲁缅采夫对中国政治结构的知识积累及其分析能力使其能够将单独的情节、事件和政治公式联系起来，从而对中国政治体制的运行逻辑形成整体性的理解。然而，正是这样一部规模宏大的著作尤其尖锐地提出了资料可信性的问题。本文对于中共官方话语分析提出一种谨慎的方法，将其视为对权力行为和精英阶层专业语言的分析，并提醒要避免文本决定论、过度总结以及试图从单独的意识形态公式中推断中国长期政策。本文最后探讨了面对海量资料时研究的客观性，指出无论资料的来源、政治倾向和来自外部的说服力如何，都必须进行严格的核实。本文指出，人工智能在汉学研究中的应用不仅要求研究人员对资料进行批判性分析，还需要对决定资料可见性的推荐算法加以注意。

*关键词：*中国；中国政治；政治话语；数字汉学；考据批判，E • N • 鲁缅采夫；人工智能

作者：伊戈尔 • 叶夫根尼耶维奇 • 杰尼索夫，莫斯科国际关系学院高级研究员。
ORCID ID: 0000-0001-5447-1164; E-mail: iedenisov@yahoo.com

Igor E. Denisov

From Nonexistent Inscriptions to “Error 404”: How to Study China in the Digital Age

Abstract. The article analyzes how the digital age has changed the tasks of China studies in examining the political system of contemporary China. While early Internet optimism associated broader access to Chinese sources with greater transparency of the PRC, subsequent experience has shown that the digital turn has created new forms of uncertainty. E.N. Rumyantsev’s two-volume monograph *Contemporary Chinese Politics* (2024) is considered as a significant attempt to combine broad coverage of Chinese politics with close reading of texts and the use of a large body of Internet materials. The author’s accumulated knowledge of Chinese politics and analytical intuition allow him to connect individual topics, events, and political formulas into a coherent understanding of the logic of China’s political system. However, precisely such a large-scale work raises especially sharply the question of the evidentiary value of sources. The article proposes a cautious approach to analyzing CCP texts as acts of power and as the professional language of the elite, warning against textual determinism, excessive generalizations, and attempts to infer China’s long-term policy from individual ideological formulas. The final section addresses research distance in conditions of source abundance, where materials require strict

verification regardless of their origin, political orientation, or surface persuasiveness. The article notes that the use of AI in China studies requires not only source criticism, but also attention to recommendation algorithms that determine source visibility.

Keywords: China; Chinese politics; political discourse; digital China studies; source criticism; E.N. Rumyantsev; artificial intelligence.

Author: *Denisov Igor E.*, Senior Research Fellow, MGIMO University. ORCID ID: 0000-0001-5447-1164. E-mail: iedenisov@yahoo.com

Цифровой поворот и новая непрозрачность

На заре XXI в. в западном китаеведении преобладал техноутопический консенсус, согласно которому развитие Интернета должно было окончательно разрешить проблемы изучения КНР. Утверждалось, что цифровая революция приведет к неизбежному падению «бамбукового занавеса». Непрозрачные механизмы функционирования китайской политической системы якобы станут прозрачными благодаря одному лишь насыщению открытой информацией и это должно привести к тому, что прежние методы улавливания слабых сигналов – чтение партийных газет между строк, сопоставление политических формулировок и изучение расположения чиновников на официальных фотографиях – превратятся в анахронизм.

Т. Фрейвел в статье, опубликованной в журнале “The China Quarterly” в 2000 г., писал, что в прошлом изучению Китая препятствовал хронический дефицит данных, но «появление информационных технологий позволяет предположить, что эта модель осталась в прошлом», поскольку интернет-источники создадут «общий избыток информации» [Fravel, 2000, p. 821–822, 840]. Правда, он осторожно предупреждал о том, что убедительность выводов определяется качеством данных, а не их количеством, и что легкодоступные источники могут побуждать ученых изучать не наиболее важные, а наиболее удобные для исследования вопросы [Fravel, 2000, p. 839–840]. О том, что Интернет сделает китайские государственные органы более открытыми для иностранных наблюдателей, писал в 2002 г. американский политолог и специалист по библиотечному делу Ван Жуй [Wang, 2002].

Кибероптимизм касался не только доступа исследователей к информации, но и способности Пекина контролировать публичную коммуникацию. Дай Сюдянь прогнозировал, что должен измениться сам Китай, поскольку архитектура сети принципиально затруднит сохранение прежней модели политической закрытости [Dai, 2000, p. 181]. Наиболее яркое выражение этой точки зрения в то время принадлежало Биллу Клинтону, который сравнил контроль над Интернетом с попыткой «прибить желе гвоздями к стене» и утверждал, что экономические инновации и расширение политических возможностей граждан «неизбежно будут идти рука об руку» [Clinton, 2000].

В 2000-е гг. российское китаеведение, по-видимому, пережило цифровой поворот не столько посредством открытой дискуссии о новых методиках, сколько через постепенное изменение исследовательской практики в явочном порядке. Новостные

порталы, личные блоги, форумы и сайты зарубежных китайцев, а также тайваньские и гонконгские интернет-СМИ вошли в разделы «Библиография» еще до того, как в профессиональном сообществе сформировались общепринятый понятийный аппарат и методика работы с такими материалами. При этом на новые типы источников нередко переносились приемы, сложившиеся в эпоху работы в библиотеках и архивах: презумпция достоверности заявленной атрибуции, представление о значимости любого обнаруженного документа и склонность считать перепечатку идентичной первоначальному тексту[2]. Однако в интернет-пространстве имя автора, название издания или документа сами по себе не гарантируют подлинности, а перепост может сопровождаться сокращениями, редакторскими изменениями, утратой контекста или ошибочной атрибуцией. Речь шла не о последовательной смене одной исследовательской парадигмы другой, а о сосуществовании двух подходов: традиционного, основанного на медленной источниковедческой проверке, и цифрового, позволявшего оперативно реагировать на текущие события, но не всегда обеспечивавшего надежную верификацию используемых материалов. Новые источники, обрушившиеся как лавина, активно вводились в оборот, но их авторство, независимость и текстуальная неизменность проверялись далеко не всегда. Проблема заключалась не только в качестве работы с источниками, но и в свойствах самой цифровой среды и направлениях ее трансформации.

Последующие события показали, что изобилие и прозрачность не являются синонимами. Цифровизация способна расширять доступный наблюдателю массив данных, одновременно создавая возможности для цензуры, избирательного раскрытия информации, «загрязнения» информационного пространства второстепенными и фальсифицированными данными. Цифровая эпоха неожиданно изменила саму природу изучения современного Китая. Исследователю приходится не только искать и анализировать сигналы в текстах, но и сохранять сам источник, пока он еще доступен. Статьи в академических базах данных, включая Китайскую национальную инфраструктуру знаний (CNKI), подвергаются ретроспективному редактированию, а доступ даже к официальным и ранее общедоступным публикациям может внезапно ограничиваться. Так, открытый архив «Цзефанцзюнь бао» теперь начинается с 1 января 2026 г., тогда как прежние выпуски исчезли из доступа, а старые прямые ссылки на момент написания данной статьи ведут на экран с «ошибкой 404».В подобных случаях печатная газета или заблаговременно сохраненная цифровая копия перестает быть анахронизмом и становится незаменимой документальной опорой.

[2] Показателен случай с двумя вымышленными цитатами Си Цзиньпина, которые распространились в российском Интернете летом 2016 г. Их приписывали речи генсека на торжественном собрании по случаю 95-летия КПК, хотя в официальном тексте выступления подобных заявлений не было. Тем не менее эти формулировки довольно быстро вышли за пределы медийной среды: они появились в экспертных публикациях, кандидатской диссертации, научной статье в рецензируемом журнале и коллективных академических сборниках, где использовались как свидетельство готовности Китая к военно-политическому союзу с Россией и совместной борьбе с НАТО.

Панорамный подход: сила и методологические риски

Во введении к своей двухтомной монографии «Современная китайская политика» старший эксперт Российского института стратегических исследований, к. филол. н. Е.Н. Румянцев как раз обращает внимание на эти сложности, отмечая «резкое усиление мер китайских властей по блокированию информации о политических, экономических и социальных процессах в КНР, ее внешней политике» [Румянцев, т. 1, с. 13].

Завершенная в мае 2024 г. работа предлагает подробный анализ внутренней и внешней политики Китая в течение первого полного десятилетия пребывания Си Цзиньпина на высших постах. Автору пришлось прежде всего искать ответ на вопрос, как сохранить требования традиционной источниковедческой модели и одновременно использовать максимально широкий круг цифровых материалов для преодоления растущих информационных барьеров. Монография во многом строится именно на пересечении этих исследовательских подходов. Сочетание двух парадигм оказывается продуктивным, но не вполне симметричным. Языковое чутье и текстологическая внимательность Е.Н. Румянцева несомненны, тогда как обращение к широкому кругу интернет-источников не во всех случаях оказывается столь же доказательным.

Вторая проблема, стоявшая перед Е.Н. Румянцевым, заключалась в том, как вместить быстро меняющуюся и многогранную действительность Китая в ограниченный объем издания. Особую трудность создавало стремление соединить в одной монографии внутреннюю и внешнюю политику Китая, которые в научной литературе значительно чаще рассматриваются раздельно. Ориентиром для автора послужил известный тезис Дж. Фэйрбэнка о том, что для Китая внутренний и внешний порядок тесно связаны [Румянцев, т. 1, с. 10].

Первый том посвящен внутриполитическому развитию, тогда как во втором рассматриваются внешняя политика и положение Китая в международной системе. Охватывая события до конца 2023 г., работа сводит воедино идеологию, внутрипартийные процессы, реформу госаппарата, экономическую политику, социальные проблемы, контроль над информацией и внешние связи. Ее главный вклад состоит не в выдвижении одного компактного теоретического объяснения происходящего в Китае, а в создании развернутой панорамной картины китайской партийно-государственной системы при Си Цзиньпине и в демонстрации того, каким образом процессы, часто рассматриваемые по отдельности, являются частью более широкой социально-политической трансформации.

Этот взгляд особенно ценен, поскольку системная природа китайского партийно-государственного аппарата делает непродуктивным изолированное изучение отдельных процессов. В современной литературе все отчетливее проявляется стремление преодолеть избыточную тематическую фрагментацию исследований. К. Либерталь в своих размышлениях об эволюции политологического китаеведения прямо указывал на негативные последствия узкой специализации, считая, что по-прежнему сохраняется потребность в исследователях, обладающих «хорошим пониманием общего развития Китая» [Lieberthal, p. 277]. Такая аналитическая позиция особенно важна потому, что публичное обсуждение Китая, по словам ученого, часто тяготеет к «карикатуре» и сосредоточивается на «ярком и драматичном», тогда как задача исследователя

состоит в том, чтобы давать «контекст и перспективу» [Lieberthal, p. 277]. Таким образом, системный подход позволяет не утонуть в потоке текущих событий, отделить устойчивые и долгосрочные тренды от кратковременных инфоповодов и увязать отдельные факты с общей логикой китайской политической системы. С этой точки зрения, панорамность рецензируемой книги – не излишество, нуждающееся в оправдании, а одно из ее главных достоинств.

Новые политические формулы, газетные комментарии, опубликованные под псевдонимами, кадровые назначения, умолчания в официальных сообщениях рассматриваются автором как политически значимые сигналы. Ни один из этих элементов сам по себе не имеет решающего значения. Их смысл раскрывается в сопоставлении и включении в более широкую последовательность событий. Повторяемость, изменение контекста и совпадение нескольких сигналов придают им аналитическую значимость. Наилучшим образом это можно выразить метафорой С. Лейса[3], который уподоблял задачу китаеведа толкованию «несуществующих надписей, сделанных невидимыми чернилами на чистом листе» [Leys].

В системе, ограничивающей доступ к внутренним дискуссиям и представляющей политику через тщательно структурированные официальные нарративы, чтение между строк не является эксцентричным научным занятием. Нередко оно совершенно необходимо, и это убедительно показывает Е.Н. Румянцев, для которого разбор десятков политических текстов становится одним из главных способов выявления логики современной китайской политики.

Партийный текст не является простым отражением действительности: он отбирает ее элементы, устанавливает между ними связи и выстраивает из них идеологически правильную и нормативно упорядоченную картину. Поэтому его следует читать одновременно как источник сведений о политике и как властный акт, посредством которого КПК стремится придать прошлому, настоящему и будущему связность, направление и смысл. Особое значение здесь имеют установочные формулировки. По точному выражению С.Н. Гончарова, они образуют «профессиональный язык, на котором изъясняется между собой правящая китайская элита» [Гончаров, с. 153–154].

К расшифровке пекинского политического языка внешним наблюдателям следует относиться с осторожностью, избегая как текстологического детерминизма, когда отдельная формула воспринимается в виде однозначного указания на точное направление развития КНР на десятилетия вперед, так и слишком широких обобщений, когда одна концепция превращается в универсальный ключ к объяснению Китая в целом и любого его поведения в мире. Историк китайского искусства К. Клунас довольно точно обозначил эту «старую ориенталистскую/синологическую ловушку», когда отдельное китайское явление начинает восприниматься как репрезентация Китая в целом, а «все оказывается связанным со всем» [Clunas, p. 22]. Подобно тому как, по замечанию Клунаса, картины Рубенса не обязаны объяснять европейскую интеграцию, так и отдельные выступления Си Цзиньпина или статьи в «Цюши» не должны нести нагрузку объяснения всей логики развития китайской политической системы.

Политические формулы и тексты действительно занимают центральное место в политической системе КНР, однако их значение раскрывается лишь в сопоставлении

[3] Псевдоним австралийского китаеведа и переводчика Пьера Рикманса (1935–2014).

с внутренним и внешним контекстами, механизмами реализации, практикой исполнения и последующей эволюцией самого дискурса. Универсального дешифратора китайской политики не существует, и вряд ли он будет создан с помощью искусственного интеллекта, поскольку даже самые заметные идеологические формулы не обладают фиксированным содержанием и не предопределяют автоматически последующую политическую практику. Поэтому анализ документов не должен подменять анализ политики. Эта ошибка встречается довольно часто: исследователь строит далеко идущие выводы на основании одной новой формулы («новые производительные силы», «двойная циркуляция», «сообщество единой судьбы человечества»), хотя ее реальное политическое содержание становится понятным и раскрывается лишь спустя годы.

Абстрактность китайского политического языка следует понимать не как слабость, а как условие долговечности и интерпретационной гибкости установок. Любая партийная формула не фиксирует конечный смысл, а открывает политическую биографию понятия, которую необходимо отслеживать. Между замыслом, формулой, ее практической реализацией и политическими последствиями неизбежно существует зазор, не допускающий однозначных выводов. Пустоты непрозрачной системы могут побуждать аналитиков вкладывать в них смыслы, не имеющие достаточно надежной доказательной основы. Умолчание может быть намеренным, но может оказаться и случайным; изменение терминологии может возвещать о грандиозном политическом сдвиге, но может быть результатом редакторской ошибки или импровизации эксперта (да-да, в строго централизованной системе и такое случается). Работа Е.Н. Румянцева наиболее сильна там, где накопленное знание об устройстве китайской политики и чутье аналитика позволяют ему отличить устойчивый сигнал от временного шума. Она менее надежна в тех случаях, когда переход от отдельной детали к выводам о скрытых мотивах, фракционной борьбе или завуалированной полемике, оказывается чрезмерно быстрым и не учитывающим альтернативные объяснения.

Когда цифровой след становится доказательством

Отдельные решения могут составлять часть целостной политической модели, однако иногда эта кажущаяся целостность создается самим аналитиком, а не содержащимися в источниках свидетельствами. Чем более непрозрачна система, тем сильнее искушение превратить неопределенность в скрытый смысл, а известную картину «оживить» подробностями, которые создают впечатление проникновения в тайные механизмы власти, хотя в действительности могут оказаться элементами произвольной реконструкции, не подтвержденной достоверными источниками.

К примеру, массовая продажа должностей и коррупция в НОАК хорошо документированы, в том числе в официальной китайской печати. Эти факты подтверждает и специальное исследование Ван Пэна, основанное на анализе открытых материалов и двадцати интервью с действующими и бывшими военнослужащими [Wang, 2016]. Однако, рассматривая этот сюжет, автор монографии как будто больше сосредоточен не на анализе природы военной коррупции, а на ее «леденящих душу» подробностях,

причем с максимальной конкретикой: почти все генералы купили свои звания и должности, звание генерал-майора стоило 5 млн юаней, группа из примерно пятидесяти высших офицеров присвоила половину военного бюджета страны [Румянцев, т. 1, с. 98–99]. Все эти утверждения восходят к сенсационным публикациям гонконгской прессы, но даже там они чаще всего окружены формулами «говорят», «по некоторым сведениям» и «появилась информация», подчеркивающими отсутствие авторитетного источника. Когда у исследователя эти оговорки трансформируются в выражения «выяснилось в ходе расследования», «было установлено», «разворовали», возникает эффект заимствованной достоверности: факт коррупции в НОАК служит своеобразным кредитом доверия для любых драматичных деталей. В результате границы между фактом, предположением и версией элитной политики в жанре мыльной оперы оказываются размыты. Это относится и к большинству материалов эмигрантского сайта «Кань Чжунго» (看中国), часто используемых в монографии.

Статья в журнале «Цяньшао» (前哨), на которую ссылается Е.Н. Румянцев, не требует сложной источниковедческой квалификации, потому что это вполне определенный жанр сенсационной политической публицистики, которую трудно рассматривать как надежный источник фактических сведений. Гонконгский автор как будто точно знает, что происходило на расширенном заседании Центрального военного совета в конце 2011 г., кто как выглядел, что чувствовал и почему и с каким выражением лица молчал. Используются кинематографические детали: пачка компромата в руке Лю Юаня, «обмякший как глина» Сюй Цайхоу, мрачно застывшее лицо Ху Цзиньтао, сосредоточенно записывающий Си Цзиньпин, борьба героев со злодеями… Наиболее серьезная проблема заключается не в ажитированном стиле публикации как таковом, а в том, что художественная убедительность подменяет доказательность. Ярко описанная сцена начинает восприниматься как подтвержденное событие, хотя происхождение большинства деталей не раскрывается и они могут представлять собой все что угодно – реконструкцию, пересказ слухов или авторский домысел. Определенно можно сказать лишь одно: это ненадежный источник фактических сведений о коррупции в НОАК.

Несколько иная, вероятно, более сложная, картина складывается, когда автор монографии анализирует положение Коммунистического союза молодежи Китая (КСМК) в современной политической системе КНР. Опираясь на анализ официальных публикаций, он верно диагностирует недовольство Си Цзиньпина бюрократизацией комсомола, но затем из еще более ненадежного источника, чем «Цяньшао», заимствует не только неточный фактический материал, но и интерпретационную рамку.

Е.Н. Румянцев пишет, что после прихода к власти Си Цзиньпин вдвое сократил финансирование КСМК, поскольку не доверял его руководству и рассматривал комсомол как «массовую базу» соперничающей с ним партийной группировки [Румянцев, т. 1, с. 44]. Источником этого утверждения, судя по ссылке, служит материал ныне недоступного финансового сайта InvestBrain, в качестве автора материала ошибочно указан T. Durden[4]. В действительности впервые статья о политической борьбе в Китае,

[4] Tyler Durden – коллективный псевдоним авторов американского финансово-политического блога Zero Hedge, близкого к крайне правой политической повестке. Ошибочная атрибуция текста, видимо, возникла при перепечатке и оттуда попала в библиографическую ссылку.

которую использовал Е.Н. Румянцев, была опубликована на платформе Substack Эриком Мерцем[5] — типичным независимым комментатором и «диванным аналитиком», критически настроенным к руководству КПК. Таким образом, цепочка источников выглядит следующим образом: авторский блог политически ангажированного комментатора-любителя, вторичная перепечатка на малозаметном финансовом сайте и затем ссылка в академической монографии, у которой были рецензенты (к. и. н. А.О. Виноградов и к. филол. н. С.В. Никольская).

Обращение к столь непрозрачному источнику тем более трудно объяснить, что сведения о бюджете КСМК находятся в открытом доступе и могли быть легко верифицированы. Мерц не столько сообщил новый факт, сколько предложил его неточную и политически заостренную интерпретацию, представив изменение бюджета КСМК как двукратное сокращение финансирования и личную атаку Си Цзиньпина на «комсомольскую фракцию».

Принципиально важно, что, даже если Си Цзиньпин имел непосредственное отношение к этому решению, оно было принято не сразу после его прихода к власти в 2012 г., а лишь при формировании бюджета КСМК на 2016 г. (Мерц об этом умолчал). Более того, в пояснении к бюджету указывалось, что главной причиной резкого снижения стало выведение программы студенческого добровольчества в западных районах из ведомственного бюджета КСМК и ее перевод в категорию общих трансфертов местным бюджетам. Расходы на функционирование аппарата КСМК при этом не сократились.

Недовольство Си бюрократизацией комсомола и стремление усилить контроль над организацией вполне могли быть реальными. Однако имеющиеся данные не позволяют уверенно объяснять любое решение, связанное с КСМК, исключительно борьбой с единой «комсомольской фракцией». Здесь не меньший вес имеют альтернативные объяснения –контроль над КСМК в рамках общей централизации власти, усиление партийного руководства массовыми организациями, результаты дисциплинарной проверки, которая как раз проводилась в 2015 г. Исследования показывают, что КСМК не обладал ни достаточной автономией, ни внутренним единством, чтобы без дополнительных доказательств считать его организованной политической опорой во фракционной борьбе [Doyon]. Само существование сплоченной «комсомольской фракции» остается предметом научной дискуссии. Старший научный сотрудник MERICS Ч. Партон формулирует возражение еще резче: поскольку союз находится под партийным контролем, противопоставлять КСМК Коммунистической партии бессмысленно, однако именно эту бессмыслицу воспроизводят многие западные комментаторы, представляя КСМК как самостоятельную внутрипартийную опору власти или отдельную фракцию [Parton].

[5] Эрик Мерц (Eric Mertz) – праволибертарианский интернет-комментатор, не имеющий известной академической специализации по Китаю. В 2022 г. опубликовал в Substack серию материалов о предполагаемом системном кризисе в КНР, после чего проект был заброшен. Дальнейшую активность Мерц продолжил под псевдонимом Lord Woodstone, публикуя посты о внутрипартийной борьбе, экономических трудностях и военных уязвимостях Китая, а также событиях на Ближнем Востоке и в Африке. Характерен тот же стиль: соединение открытых источников со спекулятивными выводами о скрытых политических процессах и приближающемся кризисе.

Именно там, где академические исследователи ведут дискуссии, избегают заранее готовых ответов и ищут доказательства, публичные комментаторы вроде Эрика Мерца без колебаний выдают готовую конспирологию. Фигура Мерца интересна не только как фон для одного неудачно выбранного источника. Перед нами узнаваемый продукт цифровой среды – публичный интерпретатор китайской политики, работающий в жанре «сейчас я объясню, что там происходит на самом деле».

Предвзятость здесь проявляется не только в политической позиции, но и в ограниченности самих аналитических шаблонов. Любое решение легко превращается в эпизод межклановой противостояния, любая кадровая перестановка – в признак поражения одной группировки и усиления другой, а отсутствие подтверждений фракционной борьбы в Чжуннаньхае – в железное доказательство того, насколько глубоко скрыт конфликт. Самая драматичная версия получает преимущество уже потому, что обещает проникновение за кулисы.

Именно поэтому подобные трактовки находят некоторый спрос. Они избавляют читателя от неприятной неопределенности и предлагают вместо политического хаоса простую схему, в которой каждый шаг имеет скрытого автора и тайную цель. Академическое исследование устроено менее эффектно: оно вынуждено сопоставлять конкурирующие версии и иногда признавать, что данных недостаточно. Аналитика «в стиле Эрика Мерца», напротив, выигрывает тем, что почти никогда не оставляет пробелов в картине мира. Возникает своеобразная инверсия экспертности. Чем уже набор объяснительных схем и чем увереннее они применяются ко всему подряд, тем легче это принимается за знание внутренних механизмов китайской политики. Подобные фигуры псевдоэкспертов существуют и в российской информационной среде, но не получают институционального признания вне довольно узкого сектора медийного поля, оставаясь за пределами как академического китаеведения, так и государственной и корпоративной экспертизы. Чем сильнее их стремление привлечь к себе внимание и чем скандальнее их оценки, тем более выражено их отторжение и тем устойчивее консенсус относительно их фейкового экспертного статуса. Они интересны лишь как медийные артефакты, а также как повод для рефлексии о том, каким образом отдельные сегменты российской публичной сферы воспроизводят спрос на упрощенные и искаженные представления о Китае и способствуют их тиражированию. Показательно, что посол России в КНР И.В. Моргулов специально предостерегал молодых синологов от «маргинальной» конспирологической «китаистики», «насыщенной слухами и домыслами, а порой и преднамеренной дезинформацией» [Моргулов, с. 12].

Этот сюжет возвращает к более общему вопросу о суррогатах экспертности и цене знания: кто его производит, как оно верифицируется и каким образом приобретает аппаратный вес и трансформируется в политические решения. Один из наиболее содержательных и новаторских разделов монографии Е.Н. Румянцева посвящен информационно-аналитическому и научному обеспечению партийных и государственных органов КНР [Румянцев, т. 1, с. 543–570]. Автор показывает, что в КНР аналитическая работа встроена одновременно в процесс подготовки решений, идеологические процессы, кадровую систему, управление общественным мнением и внешнюю коммуникацию. Нынешнюю ситуацию Е.Н. Румянцев не сводит к простому противопоставлению экспертизы и партийной ортодоксии. Вместо этого он показывает, каким образом

руководство пытается повысить информационные возможности государства, не отказываясь от политического контроля над производством знания. Раздел о коллективной учебе Политбюро особенно полезен, поскольку переводит разговор об интеллектуальной поддержке решений из области общих формул в практическую плоскость. Китайская экспертная «независимость», как показывает Е.Н. Румянцев, представляет собой не внешнюю позицию по отношению к политической системе, а ограниченную профессиональную автономию внутри нее, при этом важную проблему аналитических центров автор видит в необходимости «работать в условиях однопартийной системы со всеми вытекающими из этого последствиями» [Румянцев, т. 1, с. 564].

Где в такой системе проходит граница между личной инициативой и уловленным сигналом сверху? Феномен «дипломатов – боевых волков», рассмотренный в одной из глав второго тома монографии, дает хороший повод разобраться, был ли «новый стиль» преимущественно плодом индивидуальной импровизации или следствием перенастройки внешней политики, которая стала более жестко отстаивать китайские интересы.

Важно, что начало изменений стиля МИД КНР автор относит уже к 2012–2013 гг., не сводя все к влиянию пандемии или отдельным скандальным заявлениям [Румянцев, т. 2, с. 44]. Тем самым он показывает, что за броским термином действительно стоит определенный сдвиг в культуре китайской дипломатии и в ожиданиях, предъявляемых к «работникам внешнеполитического фронта» политическим руководством. Сильная сторона подхода Е.Н. Румянцева состоит именно в стремлении отделить броские персональные эпизоды от общей политической установки подрыва западной монополии на дискурс, при этом он объективно показывает неоднозначную реакцию в китайском дипломатическом и академическом истеблишменте на неудачные эскапады отдельных дипломатов, подчеркивая, что «их активность вызвала в мире ответную негативную реакцию» [Румянцев, т. 2, с. 53]. Соглашаясь с уважаемым автором в том, что явление требует дополнительного анализа, от себя замечу, что, на мой взгляд, это было способом опережающего приспособления к новым ожиданиям руководства, но ситуативным и без четкого целеполагания, что в условиях существующей бюрократической системы сделало данную практику трудноуправляемой и в конечном счете неэффективной. Наиболее убедительно феномен «боевых волков» объясняется как децентрализованная реакция бюрократии на новый политический запрос. Направление было понятно, но пределы допустимого не были определены, поэтому демонстративная напористость легко подменяла рациональный дипломатический расчет.

Стремясь несколько обострить картину внутренней критики «дипломатии боевых волков», Е.Н. Румянцев вновь попадает в ловушку «цепочки источников», когда первоначальный сюжет при каждом новом пересказе обрастает дополнительными политически значимыми деталями и в итоге меняется до неузнаваемости. Автор пишет, что профессор университета Цинхуа Янь Сюэтун, «по совместительству советник Комитета национальной безопасности ЦК КПК»[6] «призвал к „большей рационально-

[6] 中央国家安全委员会. В отечественной литературе переводится также как «Совет государственной безопасности ЦК КПК». Созданный в 2013–2014 гг. орган принятия решений и координации в сфере национальной безопасности, подчиненный Политбюро ЦК КПК и его Постоянному комитету. Глава – Си Цзиньпин. Повседневную работу обеспечивает собственная канцелярия (начальник – Цай Си).

сти“ в китайской дипломатии и предупредил о негативных последствиях для Пекина, если националистические настроения станут движущей силой внешней политики» [Румянцев, т. 2, с. 51]. Ссылка дана не на заявление самого Яня, а на авторскую колонку молодого сотрудника одного из небольших брюссельских «мозговых центров» А. Тулонена на сайте Eurasia Review. Именно там китайский ученый назван «adviser to the National Security Commission», а его слова переданы как предостережение против того, чтобы «националистическое мышление определяло внешнюю политику Китая». Румянцев не просто воспроизводит этот пересказ, правда, добавляя мотив «негативных последствий для Пекина», но дополнительно конкретизирует аффилиацию: превращает неясную National Security Commission в «Комитет национальной безопасности ЦК КПК», привносит в текст отсутствующее в исходном материале «по совместительству» и тем самым придает предполагаемой связи характер второй официальной должности и устойчивой работы на партийный центр.

Эта впечатляющая аффилиация, придающая словам профессора характер закрытой партийной экспертизы, конечно, в реальности не существует. Сама колонка А. Тулонена в части Янь Сюэтуна текстуально почти совпадает со статьей в South China Morning Post (SCMP), вышедшей десятью днями ранее, и именно в ней была указана проблемная должность (an adviser to the National Security Commission). Сознательно ли редакторы пропустили ошибку и лежал ли в основе мотив придать больший политический вес оценкам профессора, остается загадкой, в дальнейшем газета больше никогда не использовала эту должность. Однако объяснение ошибки есть: на старой англоязычной странице Университета Цинхуа Янь Сюэтун значился в том числе как старший научный сотрудник некоего Комитета государственной безопасности, соответствующая китайская формулировка 国家安全委员会高级研究员 встречалась в его биографиях уже в 2007–2008 гг., когда координирующего партийного органа не существовало. Речь идет об общественном экспертном комитете по научным исследованиям политики национальной безопасности (полное название – 中国政策科学研究会国家安全政策委员会, Комитет по политике национальной безопасности при Китайской ассоциации политической науки)[7].

К сожалению, точно такой же эффект «испорченного телефона» сработал и при передаче сути интервью Янь Сюэтуна изданию «Цайсинь» в апреле 2020 г.[8], которое и было источником последующих интерпретаций, точнее даже фальсификаций. В оригинале вообще нет слова «национализм». Оба англоязычных источника, кстати, не дали гиперссылку на оригинал и даже не упомянули, когда и при каких обстоятельствах Янь Сюэтун высказался о характере китайской дипломатии. Один из вопросов

[7] Любопытно, что не позднее 2020 г. в открытых источниках закрепилось другое стандартизированное название комитета – 安全政策专业委员会 («Специализированный комитет по политике безопасности»), без слова 国家 (государственная/национальная) и с добавлением 专业 (по смыслу – специализированный, профессиональный, профильный), вероятно, чтобы четко отграничить эту общественную экспертную структуру от партийно-государственных органов.

[8] См. перепечатку интервью на странице ученого на сайте China Value. Wang Zili 王自励, Xu Heqian 徐和谦. Yiqing, Zhong-Mei guanxi yu shijie zhixu 疫情、中美关系与世界秩序 [Pandemic, China-US Relations and the World Order]: interview with Yan Xuetong 阎学通 // Caixin. Reprinted on ChinaValue. 2020. May 18. URL: https://www.chinavalue.net/article/2020/5/18/1862057.html (accessed: 20.06.2026). (In Chinese).

корреспондента «Цайсинь» был о том, как Китаю оценивать государства, которые по одним вопросам поддерживают Пекин, а по другим Вашингтон. Отвечая на него, Янь Сюэтун призвал дипломатов к рациональности и просил избегать влияния «эмоций» (情绪), приводя в пример наивные ожидания автоматической благодарности от других стран за оказанную Китаем гуманитарную помощь. В итоге осторожное замечание реалиста о необходимости рационального учета интересов Китая превратилось в обличение националистического крена внешней политики, а благодаря придуманной аффилиации почти во внутрисистемный демарш, исходящий из окружения высшего партийного руководства. Цепочка здесь такая – SCMP произвольно встроила ответ в сюжет о «боевых волках» и превратила нейтральные «эмоции» в «националистические чувства», в дальнейшем пересказе национализм уже стал возможной «движущей силой» внешней политики, а у Е.Н. Румянцева появилось еще и предупреждение о последствиях для Пекина, приписанное Янь Сюэтуну.

Пример демонстрирует, как в условиях информационной закрытости КНР возникает феномен «инфляции авторитетности». Вторичные источники обладают свойством непрерывно «заострять» китайские реалии ради кликабельности: скромные общественные должности превращаются в посты тайных советников партийных руководителей, а общие фразы – в сенсационные политические заявления. Любые громкие тезисы, взятые из англоязычного пересказа, а также любые ссылки на «советников» или «приближенных к ЦК лиц», требуют обязательной верификации по китайскому первоисточнику.

Изобилие источников и исследовательская дистанция

Завершая разговор об источниках, стоит отдельно остановиться на тайваньской академической периодике, к которой обращается Е.Н. Румянцев. В обзоре литературы он особо выделяет тайваньский журнал «Чжунгун яньцзю»[9] (Изучение коммунистического Китая) [Румянцев, т. 1, с. 21], подчеркивая также, что «в нынешних условиях возрастает значение Тайваня как источника информации и источника понимания КНР» [Румянцев, т. 1, с. 732]. На наш взгляд, здесь возникает лишнее посредническое звено, в отличие от ангажированных блогов значительно более профессиональное, но не уникальное. Тайваньские политологи, как правило, работают с тем же материко-

[9] «Чжунгун яньцзю» (中共研究) – ежеквартальный тайваньский журнал по проблемам КНР, КПК, отношениям между двумя берегами Тайваньского пролива. Английское название – Studies on Chinese Communism. Основан в 1966 г. как предназначенное для ограниченного распространения издание «Фэйцин яньцзю» (匪情研究, «Изучение положения у коммунистических мятежников»). Издание возникло внутри военно-разведывательной инфраструктуры Тайваня. Связанный с ним ежегодник уже в 1968–1970 гг. печатался Разведывательным управлением «Министерства национальной обороны». Для зарубежного распространения использовалось нейтральное «Чжунгун яньцзю» (Исследования КПК), а окончательно названия были унифицированы лишь в 1990-е гг. Практика работы не полностью соответствует модели рецензируемого журнала: рукописи авторов с докторской степенью рассматривает непосредственно редакционная коллегия, тогда как внешнее анонимное рецензирование предусмотрено для авторов без степени. Владельцем имущественных авторских прав по-прежнему является «Министерство национальной обороны» Тайваня.

вым материалом, подвергая его собственной аналитической обработке, но не располагая каким-либо доступом к закрытым источникам. Эпоха активных неформальных контактов между берегами Тайваньского пролива, когда тайваньские ученые или бизнесмены могли получать инсайдерские сведения напрямую от материковых функционеров, безвозвратно ушла в прошлое. После значительного расширения сферы действия Закона КНР о контрразведке тайваньские университеты и аналитические центры фактически прекратили полевые исследования в КНР, чтобы не подвергать своих сотрудников опасности.

Не следует также рассматривать тайваньскую информационную среду как политически нейтральную. На Тайване существует открытая дискуссия, однако СМИ сильно поляризованы, многие издания имеют отчетливую партийную ориентацию. Конкурентная публичная сфера не делает все опубликованные в ней тексты равными по статусу и тем более не позволяет считать каждую публикацию выражением позиции Тайбэя.

Показателен пример со статьей Сумита Кумара в The Taipei Times. В монографии она пересказывается на нескольких страницах: речь идет о реакции Пекина на кризис на Ближнем Востоке, пределах китайского посредничества и возможных последствиях для безопасности Тайваня [Румянцев, т. 1, с. 736–738]. Сам по себе пересказ не был бы проблемой, если бы колонка действительно обладала тем весом, который ей придается в монографии. Однако этот вес возникает не из характеристик самого источника, а исключительно из авторских пояснений к нему. Оценки политолога из Дели, единственная связь с Тайванем которого заключается в давней стажировке в одном из университетов, представлены как свидетельство того, что определенные соображения были высказаны «в Тайбэе», что так считают «тайваньские аналитики» и даже что в «политикоформирующих кругах Тайбэя» был поднят вопрос о необходимости наращивания разведывательных возможностей острова.

Между тем тезис о тайваньской разведке принадлежит самому сотруднику Делийского университета и сформулирован им со странной модальностью как прямая рекомендация: «Правительству следует усилить свой аппарат сбора разведывательной информации» (The government should bolster its intelligence-gathering apparatus)[10]. Ситуация почти комическая: внешний наблюдатель пишет Тайваню практическую памятку по безопасности, а в монографии эта памятка получает значение свидетельства о позициях тайваньского политико-экспертного сообщества. Публикация в The Taipei Times делает текст фактом тайваньского медийного пространства и, вероятно, отражает редакционную линию издания, но не более того. Даже если читать между строк, самих тайваньских аналитиков и политикоформирующих кругов в этой публикации не видно.

Что касается настоящих тайваньских экспертов, то их аналитика на темы Китая чаще всего остается внешним взглядом, к тому же пропущенным через призму собственных политических ожиданий (в том числе экзистенциальных для острова). Изучение материка сохраняет языковую и эмпирическую специфику, но в методологическом отношении во многом превратилось в китаеязычный сегмент западной академи-

[10] *См*. Kumar S. Limits of China’s Sway in Israel // *Taipei Times*. 2023. October 19. P.8. URL: https://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2023/10/19/2003807889 (accessed: 25.06.2026).

ческой системы, что признают сами тайваньские ученые [Leu, Chen, p. 129]. Тайваньские политологи опираются на богатый опыт расшифровки специфического бюрократического языка КПК, однако исследовательские вопросы, понятия, методология и критерии научной значимости, используемые ими, сегодня в значительной степени совпадают с теми, которые приняты в западном, прежде всего в американском, китаеведении.

Отдельные спорные решения в работе с источниками не отменяют умения Е.Н. Румянцева убедительно раскрывать долгосрочную логику крупных политических процессов. Особенно отчетливо это видно в подробном анализе отношений КНР и США, которому отведено более половины второго тома. Такая пропорция оправданна тем, что взаимодействие и нарастающее соперничество двух стран во многом определяли внешнеполитическую динамику первого десятилетия пребывания Си Цзиньпина у власти. Данный сюжет позволяет автору панорамно охватить торгово-экономические разногласия, технологическую конкуренцию, проблемы безопасности и расхождение представлений о будущем мирового порядка. Е.Н. Румянцев не видит в избрании Трампа отправную точку двустороннего разрыва, а реконструирует более продолжительный процесс, в ходе которого под внешне устойчивой конструкцией сотрудничества формировались стратегическое недоверие, экономические дисбалансы и взаимные ошибочные представления. Однако, как считает автор, «до прихода к власти в 2016 г. Трампа изменения в китайско-американских отношениях накапливались, но не переходили в новое качество» [Румянцев, т. 2, с. 62]. Особую ценность представляет ретроспективный анализ просчетов китайской аналитики: согласно Румянцеву, Пекин чрезмерно полагался на сдерживающее воздействие экономической взаимозависимости и недооценивал растущее расхождение между политическим и экономическим содержанием двусторонних отношений [Румянцев, т. 2, с. 60–61].

Если китайские ошибки автор связывает с конкретными особенностями стратегического анализа, то действия американской стороны он временами объясняет в более психологизированных категориях. Предположение о том, что руководители США были «ослеплены ненавистью к Советскому Союзу» и поэтому в свое время не смогли признать наличие у Китая самостоятельной повестки, звучит ярко, но чрезмерно сжимает и упрощает историю, превращая в просчет то, что, возможно, было расчетом [Румянцев, т. 2, с. 60]. Американские политики не обязательно упускали из виду самостоятельную повестку Китая. Возможно, они считали, что его непосредственная стратегическая ценность перевешивает долгосрочные риски, одновременно полагая, что эти риски останутся управляемыми. Следовательно, проблема заключалась не столько в неспособности признать самостоятельность Китая, сколько в определенной иерархии стратегических приоритетов. Тем не менее наблюдение Е.Н. Румянцева полезно и выводит на более существенный вопрос: каким образом политика, рациональная в рамках одной конфигурации международных отношений, породила в Вашингтоне такие устойчивые представления и ожидания, которые было все труднее пересматривать по мере роста мощи и амбиций Пекина.

Е.Н. Румянцев не просто сообщает читателю готовые выводы, но в известной мере позволяет проследить, как возникает новое знание из соединения разрозненных эпизодов и многократного возвращения к проблемам, которые не допускают оконча-

тельного ответа. Во «Введении» автор признается, что фрагментарность монографии определяется прежде всего его личными представлениями о том, что является важным в современном периоде политической истории Китая [Румянцев, т. 1, с. 21]. В современной академической литературе, где процесс исследования обычно исчезает за обезличенной формой ровного текста, подобное присутствие автора встречается крайне редко. На страницах двухтомника «Современная китайская политика» отчетливо ощущается не только накопленное автором знание, но и его удовольствие от самого исследовательского поиска. Китайская политика явно не превратилась для Румянцева в привычный профессиональный материал: каждая новая формулировка, малоизвестный документ, забытый эпизод или неожиданная связь вновь пробуждают его любопытство. Это качество сохраняется даже там, где отдельные интерпретации могут показаться спорными или потребовать дополнительной проверки. Отчасти именно искренним стремлением пробиться к скрытой сути происходящего и объясняется порой излишне доверчивое отношение к драматичным версиям.

Высказываемые Е.Н. Румянцевым оценки российского китаеведения также следует читать не как сухой и отстраненный историографический обзор, а как часть его собственного понимания профессии. Главный вывод автора состоит в том, что распространенные в России взгляды на историю и политику КПК и КНР нуждаются в «серьезном уточнении, переосмыслении и осовременивании, а то и в пересмотре» [Румянцев, т. 2, с. 479]. Особенно важны требование интеллектуального дистанцирования от официальных китайских нарративов и мысль о том, что добрососедские российско-китайские отношения не должны исключать взвешенного и критического анализа партнера. С этим можно согласиться. Вместе с тем вывод о российском понимании Китая, по-прежнему «скованном догмами» [Румянцев, т. 2, с. 477], чрезмерно обобщает состояние весьма неоднородного профессионального поля, в котором политические заявления, академические исследования, практико-ориентированная экспертиза, экономический анализ в корпорациях, журналистика и публицистика выглядят по-разному, имеют разные нормы доказательности и задачи и далеко не всегда играют в одни ворота. Утверждение об «усвоении тезисов пропагандистов ЦК КПК» также нуждается в конкретизации и более строгом доказательном обосновании.

Дипломатия – искусство возможного, в котором допускается не только размен формул, но и согласованная неоднозначность их смысла. Маркеры уважения к политическому языку партнера часто не предполагают безоговорочного принятия стоящей за ними концептуальной системы или стратегических намерений. Формальное использование в официальном контексте китайских выражений еще не означает заимствование их исходной семантики. Так, «новая эпоха» может сохранять для Пекина ассоциацию с политическим курсом Си Цзиньпина, тогда как российская сторона в совместных документах может использовать ее для обозначения перехода глобального порядка к новому состоянию. Переговорная логика, сочетающая политическую поддержку «Пояса и пути» с защитой собственных интеграционных проектов, свидетельствует о самостоятельной политике Российской Федерации. Формула сопряжения, предложенная Москвой, свидетельствует именно об этом.

Разумеется, озабоченность Е.Н. Румянцева по поводу последствий дискурсивной стратегии Пекина небеспочвенна. Россию она, правда, затрагивает в меньшей степе-

ни, поскольку Москва остается самостоятельным центром силы, располагающим достаточным политическим весом, внешнеполитической субъектностью, собственными стратегическими целями, ресурсами и широкой географией интересов. Серьезные последствия подобная стратегия может иметь там, где слабость национальных институтов превращает символические уступки партнеру в постепенную утрату способности формулировать и отстаивать собственные интересы. Китайские образовательные, грантовые и обменные программы сами по себе не являются механизмом интеллектуального подчинения и могут быть полезными для профессионального роста экспертов и проведения исследований, особенно в недофинансированных академических системах. Проблема возникает, когда внешняя научно-экспертная инфраструктура перестает дополнять национальное китаеведение, а начинает активно его замещать. Профессиональные стимулы связываются прежде всего с поездками и стажировками, а не с постановкой самостоятельных вопросов, возникает эффект высокой формальной продуктивности без накопления нового знания. Исследовательская повестка сужается до воспроизведения протокольных формул о взаимной выгоде, дружбе и общем развитии. Частота контактов с китайскими партнерами, близость к отобранным институтам и собеседникам могут создавать иллюзию непосредственного понимания Китая, хотя в действительности такая практика приводит к систематическому смещению аналитического фокуса в сторону обслуживания китайской дискурсивной стратегии, а не интересов собственного государства.

Что касается российской науки о Китае, использование нормативного языка партийных документов может предполагать аналитический разбор, а не обязательно политическое принятие, если, конечно, речь не идет о дословном копировании китайских официальных текстов. Впрочем, прямое копирование – лишь крайний случай. В цифровой среде документ часто несложно найти, перевести и ввести в научный оборот. Труднее установить мотивы его принятия и публикации, статус, жанр, адресата, место в цепочке подобных властных актов и отношение к политической практике. Исследователь современного Китая не может оставаться комментирующим переводчиком, а перевод не должен создавать видимость аналитической работы там, где дело фактически ограничивается начальной, менее трудозатратной операцией по «пересадке» готового нарратива на другую языковую почву, что является лишь внешним подобием анализа.

Механический перенос особенно заметен, если перевод официального китайского текста сопровождается комментариями китайских же экспертов, которые опираются на тот же набор объяснительных категорий. Такие добавки, даже добросовестно заимствованные исследователем, могут несколько уточнять и «оживлять» смысл формулировок, но они, как правило, не позволяют выйти за границы китайских официальных идеологических установок и посмотреть на них объективно. Иногда статья напоминает добросовестный пересказ содержания предыдущих серий: в одном документе было сказано это, затем эксперт пояснил то, а редакционная статья газеты «N» развила тот же мотив. Все это может быть полезно как справочный материал, но анализ начинается там, где исследователь спрашивает не только «что было сказано», но и «зачем это было сказано именно так и какие последствия это будет иметь». Или, возвращаясь к образу сериала, кто написал сценарий, для какой аудитории он был по-

ставлен, что осталось за кадром и почему именно такая последовательность эпизодов представлена зрителю.

При этом проблему не стоит связывать исключительно с китайским дискурсивным давлением. Модель «копировать – вставить» может возникать и при обращении к альтернативным источникам, когда официальный нарратив заменяется столь же готовым контрнарративом. В этом смысле опасность состоит в самой привычке работать с заранее данными объяснительными схемами вместо их верификации.

Как мне показалось, в монографии симметрия критической проверки выдерживается не всегда. Е.Н. Румянцев последовательно относится к официальному китайскому дискурсу как к объекту, требующему особой аналитической настороженности. Многие тексты, исходящие из Пекина, заранее воспринимаются как зашифрованные послания с подтекстом и проходят через жесткий фильтр критической деконструкции. Однако материалы, предлагающие противоположную картину, иногда воспринимаются заметно мягче и используются почти в первозданном виде. Они могут давать дополнительные детали и подводить автора к новым выводам за пределами официальных трактовок, но не становятся достоверными только потому, что им противоречат. Западное, тайваньское, эмигрантское или оппозиционное происхождение текста само по себе не делает его более надежным и менее политически ангажированным. В данных случаях часто меняется лишь знак предвзятости с плюса на минус, тогда как ее сила сохраняется. Если мы считаем необходимой демифологизацию представлений о прежнем и современном Китае, то для этого требуется критическое отношение ко всем (sic!) источникам, а не замена одной политической мифологии другой. Объективность означает не отсутствие позиции, а четкое разграничение факта, интерпретации и нормативной оценки, в чем, собственно, и заключается содержание научной работы.

В конечном счете монография Е.Н. Румянцева возвращает нас к главному вопросу: как изучать Китай в цифровую эпоху? Цифровая революция не отменила традиционное китаеведение с его академической строгостью, но потребовала нового уровня работы с источниками. Раньше требовалось расшифровывать умолчания, лозунги, расположение имен и лиц, политические сигналы. Теперь необходимо одновременно восстановить цепочку перепечаток, отличить перевод от интерпретации, не принимать доступность источников за прозрачность политической реальности. Интернет-среда спрессовывает время, дает иллюзию непосредственного присутствия и моментального отклика, тогда как подлинное научное знание возникает через задержку, тщательную проверку, неоднократное возвращение к первоисточнику. Кстати, частые интервью китаеведов в СМИ и расширение их присутствия в соцсетях и на других цифровых платформах повысили профессиональную ценность оперативности. Этот процесс имел очевидные преимущества: он расширил знания публики о Китае и сократил дистанцию между академической экспертизой и публичной дискуссией. Вместе с тем «медийность» китаеведения способствовала преимущественному вниманию к «быстрой» информации – новостным «молниям», ярким интерпретациям, анонимным источникам, что может влиять и на академическую практику, для которой оперативность далеко не главный критерий.

Если с учетом «ошибки 404» сформулировать кредо цифрового исследователя, то это можно сделать примерно так – источник надо сохранять быстро, а выводы делать

медленно. Именно способность констатировать неопределенность там, где доступные источники не позволяют ее устранить, становится сегодня не признаком недостатка знания, а одним из главных критериев профессиональной экспертизы.

Парадоксально, что, еще не выработав устойчивых правил работы с последствиями первого цифрового поворота, академическое сообщество, в том числе в России, уже оказалось охвачено ожиданиями, связанными с искусственным интеллектом. Здесь могу только солидаризоваться с выводом А.В. Лукина о том, что «в китаеведении, как и в гуманитарной сфере вообще, роль человека не только никогда не исчезнет, но и не снизится, так как оно изучает человека, его мысли и поведение, которые не поддаются цифровизации» [Лукин, с.105].

Применительно к китайской тематике проблема может состоять не только в том, что модель неточно истолкует сигналы, скрытые под изощренными китайскими формулировками, но и в том, что ИИ нередко сводит в один массив разнородные по достоверности и авторитетности источники, собирая пазл, который только выглядит связно и непротиворечиво. ИИ способен помочь прочитать «несуществующую надпись», но не гарантирует, что она действительно была нанесена на лист, а не возникла из информационного шума, неверно выстроенной иерархии источников и слишком уверенного соединения разрозненных цифровых следов. Поскольку ИИ все чаще встраивается в поисковые системы, критике теперь подлежит не только найденный текст, но и механизм, сделавший его заметным. Не хочется быть технопессимистом, однако рекомендательные алгоритмы все чаще определяют, какие источники исследователь увидит первыми, а какие не увидит вовсе, и этот вызов еще предстоит преодолеть. Возвращаясь к яркой метафоре С. Лейса, может так получиться, что мы даже не будем знать, кто оставляет на листе невидимые знаки.

Библиографический список

Гончаров С.Н. «Выпрыгивание из исторического цикла» и строительство новой идеологии на XX съезде КПК // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 6. С. 153–174. DOI: 10.31857/S013128120023467-4.

Лукин А.В. Российское китаеведение и развитие технологий искусственного интеллекта // Российское китаеведение. 2025. № 3 (12). С. 100–105.

Моргулов И.В. Российско-китайские отношения отличает зрелый и стабильный характер // Российское китаеведение. 2023. № 3 (4). С. 7–13.

Румянцев Е.Н. Современная китайская политика: в 2 т. М.: Синосфера, 2024.

References

Goncharov S.N. “Vyprygivanie iz istoricheskogo tsikla” i stroitel’stvo novoi ideologii na XX s'ezde KPK [“Jumping Out of the Historical Cycle” and Building a New Ideology at the Twentieth Congress of CCP]. Problemy Dal’nego Vostoka [Far Eastern Studies]. 2022. No. 6. P. 153–174. (In Russian). DOI: 10.31857/S013128120023467-4.

Lukin A.V. Rossiiskoe kitaevedenie i razvitie tekhnologii iskusstvennogo intellekta [Russian Sinology and the Development of Artificial Intelligence Technologies]. Rossiiskoe kitaevedenie [Russian Sinology]. 2025. No. 3 (12). P. 100–105. (In Russian).

Morgulov I.V. Rossiisko-kitaiskie otnosheniia otlichaet zrelyi i stabil'nyi kharakter [Russian-Chinese Relations Are Distinguished by a Mature and Stable Character]. Rossiiskoe kitaevedenie [Russian Sinology]. 2023. No. 3 (4). P. 7–13. (In Russian).

Rumyantsev E.N. Sovremennaya kitaiskaya politika: v 2 t. [Contemporary Chinese Politics: In 2 Vols.]. 2024. Moscow: Sinosfera. (In Russian).

* * *

Clinton W.J. (2000). Remarks at the Paul H. Nitze School of Advanced International Studies. Washington, D.C., March 8. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-paul-h-nitze-school-advanced-international-studies (accessed: 20.06.2026).

Clunas C. (2005). At the Royal Academy: Art of the Emperors. London Review of Books. Vol. 27. No. 23. December 1. P. 22.

Dai X. (2000). Chinese Politics of the Internet: Control and Anti-Control. Cambridge Review of International Affairs. Vol. 13. No. 2. P. 181–194. DOI: 10.1080/09557570008400308.

Doyon J. (2020). The Strength of a Weak Organization: The Communist Youth League as a Path to Power in Post-Mao China. The China Quarterly. No. 243. P. 780–800. DOI: 10.1017/S0305741019001516.

Fravel M.T. (2000). Online and on China: Research Sources in the Information Age. The China Quarterly. No. 163. P. 821–842. DOI: 10.1017/S0305741000014685.

Leu G., Chen M. (2025). A Review of China Studies in Taiwan: History, Development and Main Contributions. China Report. Vol. 61. No. 1. P. 115–132. DOI: 10.1177/00094455241297256

Leys S. (1990). The Art of Interpreting Nonexistent Inscriptions Written in Invisible Ink on a Blank Page. The New York Review of Books. October 11. URL: https://www.nybooks.com/articles/1990/10/11/the-art-of-interpreting-nonexistent-inscriptions-w/ (accessed: 29.06.2026).

Lieberthal K. (2010). Reflections on the Evolution of the China Field in Political Science. In: Carlson A., Gallagher M.E., Lieberthal K., Manion M.K. (eds.). Contemporary Chinese Politics: New Sources, Methods, and Field Strategies. Cambridge: Cambridge University Press. P. 266–278.

Parton C. (2022). China's Communist Youth League: Eternally Young at a Hundred. MERICS – Mercator Institute for China Studies. May 18. URL: https://merics.org/en/comment/chinas-communist-youth-league-eternally-young-hundred (accessed: 20.06.2026).

Wang P. (2016). Military Corruption in China: The Role of Guanxi in the Buying and Selling of Military Positions. The China Quarterly. No. 228. P. 970–991. DOI: 10.1017/S0305741016001144.

Wang R. (2002). Government Information of the People's Republic of China on the Internet. Journal of Government Information. Vol. 29. No. 1. P. 31–37. DOI: 10.1016/S1352-0237(03)00004-2.

Поступила в редакцию: 25.06.2026 Received: 25 June 2026.
Принята к публикации: 30.06.2026. Accepted: 30 June 2026.